

12. Стефанович О. Поезії [Електронний ресурс] / О. Стефанович. — Режим доступу : www.poetrycub.com.ua
13. Федотова Т. В. Міфологеми вогню та сонця в українській літературі : інтерпретаційні моделі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. фі-

- дол. наук: спец. 10.01.01 «Українська література» / Тетяна Володимирівна Федотова. — К., 2005.
14. Фрис І. Неоміфологізм у слов'янських літературах ХХ ст. / І. Фрис // Проблеми слов'янознавства. — Вип. 56. — 2007. — С. 228—236.

Ю. Ф. СОЛОМАХИНА

ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН КАК ИСТОЧНИК ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПРАЖСКОЙ ШКОЛЫ)

В статье рассматриваются особенности использования элементов славянской мифологии представителями Пражской школы. Анализируется влияние языческих верований и национальной фольклорной традиции на формирование поэтического мировоззрения писателей. Устанавливаются формы трансформации языческих культов и специфика переосмысления славянского религиозного наследия.

Ключевые слова: мифология, национальная традиция, язычество, мифологическое пространство, Пражская школа.

JU. SOLOMAKHINA

BELIEF OF THE ANCIENT SLAVS AS SOURCE OF ART (AS A MODEL – LYRICS OF THE PRAGUE LITERARY SCHOOL)

The article describes the features of elements usage of Slavic mythology in the poetry of the representatives of the Prague School. The author analyzes the influence of pagan beliefs and national folk tradition on the formation of the poetic world of the writers. The transformation of pagan cults and what art tools are used to rethink the Slavic religious heritage were established in the article.

Key words: mythology, national folk tradition, paganism, mythological area of poetry, the Prague literary school.

Стаття надійшла до редколегії 1.03.2014 р.

УДК 812.82(1–87)

А. В. ТАРАРАК

ЕВРОПЕЙСКИЙ НАПОЛЕОНОВСКИЙ МИФ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: МЕЖДУ СЛАВЯНОФИЛАМИ И ЗАПАДНИКАМИ

В статье проанализировано несколько примеров восприятия европейского наполеоновского мифа представителями разных умственных движений в России в середине XIX в. Показано, что понимание личности завоевателя в поэзии тесно связано с романтической эстетикой, которой присуща героизация Наполеона и осмысление его, как непобедимого и несокрушимого. Однако в отличие от поэзии русского романтизма, в стихах двух славянофилов смещается акцент: завоеватель побежден не силой рока, а силой православной веры и русского духа.

Ключевые слова: наполеоновский миф, мифологизация, славянофильство, западники.

Характеризуя особенности становления русского реализма В. С. Баевский писал: «Школа раннего русского реализма сложилась в младшей линии литературного процесса, при господстве романтического движения. В силу этого наш контрромантизм навсегда, до самого начала XX в. вобрал некоторые свойства романтизма: лиризм, человечность, стремление к идеалу. Русский реализм навсегда остался покрыт амальгамой романтизма» [1, 16]. Эта особенность русской литературы, никогда, по существу, не расстававшейся с романтическими тенденциями, отрази-

лась и в интерпретации европейского наполеоновского мифа. Еще до появления двух шедевров – «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского и «Войны и мира» Л. Н. Толстого – возникли умственные настроения, существенно изменившие отношение к Наполеону. Речь идет о славянофильстве и западничестве, в каждом из которых наполеоновский миф получил причудливые истолкования. Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить в произведениях писателей, репутация которых прочно связана с двумя противоположными представле-

ниями о судьбах России, сходства и различия в отношении к Наполеону. Эта тема, к сожалению, все еще остается вне поля зрения ученых. В качестве подходов к ней можно назвать лишь работы Е. Г. Матюшенко «Наполеоновский миф в России» [2], Г. С. Померанца «Наполеонов комплекс в русской литературе» [4], Р. С. Черепановой «Наполеон Бонапарт как фигура русского национального самосознания» [5]. Однако их выводы сделаны совсем на другом материале.

Как справедливо полагает О. В. Соколов, никто из славянофилов и западников «не занимался серьезно историей Наполеона, не изучал его гражданские преобразования и военные походы, и те и другие лишь использовали его имя в философско-политической дискуссии для доказательства тех или иных положений своих теорий. Наконец и те и другие относились к императору французов весьма прохладно. Западники – потому что Наполеон был далек от ценностей милого их сердцу буржуазного либерализма, славянофилы – потому что он представлял собой начало, противоположное их видению мира. Впрочем, было бы явным преувеличением сказать, что они видели в императоре французов врага» [3, 435]. Отметим также, что многие из будущих славянофилов и западников пережили увлечение личностью Наполеона и, как Ф. И. Тютчев, например, все же находились под воздействием европейского наполеоновского мифа. Выше мы говорили о созвучии его интерпретации поэтическим произведениям романтизма. С течением времени, однако, сместились и акценты, и само понимание им этой личности. В стихотворении «Наполеон», написанном, по-видимому, в начале 1850-х гг., он видит его героем, терзаемым двумя одинаково сильными страстями: «Два демона ему служили, / Две силы чудно в нем слились: / В его главе – орлы парили, / В его груди – змии вились» [3, 449]. Однако героическое (орлиное) и мудрое (змеиное) не были освящены некоей силой, которая дается избранным: «Но освящающая сила, / Непостижимая уму, / Души его не озарила / И не приблизилась к нему... / Он был земной, не божий пламень, / Он гордо плыл – презритель волн...» [3, 449].

Видевший Наполеона через призму двойничества, поэт, вместе с тем, уже здесь намечает тему, отчетливо звучащую в его публи-

цистике: завоевателю, взлетевшему на вершины славы, сыну революции, которую он «носил в самом себе», оказалась не под силу победа над «веры камнем». Ф. И. Тютчев пишет: «Бой невозможный, труд напрасный», характеризуя попытки «гения самовластного» преодолеть революцию. Когда же речь заходит о поражении в России, поэт придает ему мистический оттенок. Герой и завоеватель предчувствовал победу рока над собой: «Ты сам слова промолвил роковые: "Да сбудутся ее судьбы!.."» [3, 449].

Стихотворение Ф. И. Тютчева состоит из трех частей, и последняя из них как бы отдает дань романтическому прошлому поэта. Здесь вновь возникает знакомая по стихотворениям В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Бенедиктова, да и самого молодого Ф. И. Тютчева картина восстания из гроба почившего завоевателя, тень которого тоскливо бродит по далекому острову в океане: «Тревожный дух – почил ты наконец... / Но чуток сон – и по ночам, тоскуя, / Порою встав, он смотрит на восток / И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя / Передрагветный ветерок» [3, 450].

«Дух», «призрак», «мертвец», «тьень» – характерные для романтической поэзии наименования умершего героя.

Если в стихотворении «Наполеон» поэт видит причину поражения Наполеона в России в силе русской веры, то в «Немане» прямо говорит о промысле Божьем: он «впустил» «супостата», но в этом был великий замысел: «целость русского порога / Ты тем навеки утвердил...» [3, 450]. Характеристика Наполеона выполнена вполне в романтическом духе: «Когда стоял он над тобой, / Он сам – могучий, южный демон, <...> И он струя твою ласкал / Своими чудными очами» [3, 450]. Поэт подчеркивает в глазах нечто выдающееся, причем эта деталь для него значима – в третьей строфе, описывая победоносное шествие войск Наполеона, он снова говорит: «Казалось, он парил над ними, / И двигал всем, и все стерег / Очами чудными своими...» [3, 451]. Но противостояние двух сил – русской и французской – он ощущает как исполнение высшего замысла: «воитель дивный» не знал силу *Другого*, а рок неизбежно вел его к сокрушительному поражению.

И в этом бесконечном строе

Едва ль десятое чело

Клеймо минуло роковое... [3, 451].

Художественное осмысление этой темы у Ф. И. Тютчева тесно связано с романтической эстетикой, однако в стихах уже намечена тема, свойственная его публицистике и поясняющая всю сложность отношения поэта к Наполеону. Он видел его все же не сквозь призму мифа о герое, хотя некоторые элементы в его поэзии отражают его, а в контексте представлений о предназначении и участи России – избранице Божией.

В публицистических набросках Ф. И. Тютчева «Россия и Наполеон», опубликованных по-французски под заглавием «La Russie et l'Occident» («Россия и Запад») в 1849 г., а потом – в очерке И. С. Аксакова «Федор Иванович Тютчев» (1874) он оригинально комментирует разнообразие поэтических интерпретаций личности Наполеона: «В связи с *Наполеоном* занимались словопрением. Историческая реальность оказалась неопознанной, вот почему и Поэзия осталась незамеченной. Это кентавр – наполовину Революция, наполовину... Но своим нутром он тяготел к Революции» [3, 451]. Такое понимание проливает свет на смысл первой строфы стихотворения «Наполеон»: «Сын Революции, ты с матерью ужасной / Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе... / Не одолел ее твой гений самовластный!.. / Ты всю ее носил в самом себе... [3, 449]. Ф. И. Тютчев полагал, что финал этой необычной жизни был предопределен рядом факторов и, прежде всего, тем, что он занял французский трон. «История его коронавания, – писал поэт, – это символ всей его истории. Он попытался в своем лица заставить Революцию короноваться. Это и превратило его царствование в серьезную пародию. Революция убила Карла Великого, он захотел его повторить. – Но с появлением России Карл Великий стал уже невозможен... Отсюда неизбежный конфликт между Наполеоном и Россией. Его противоречивые чувства по отношению к России, влечение и отталкивание. Он хотел бы поделить Империю, но не смог бы этого сделать. Империя – принцип. Она неделима» [3, 451]. Автор публицистических набросков останавливается на теме, которая неоднократно возникает в мемуарах русских участников войны 1812 г. – отношение Наполеона к Англии, кото-

рую он воспринимал, как своего личного врага. Но «<разбился-то> он об Россию. Ибо именно Россия была его истинным противником – борьба между ними была борьбой между законной Империей и коронованной Революцией» [3, 452]. Интересно, что здесь автор цитирует собственное стихотворение «Неман» для иллюстрации этого тезиса набросков.

Ф. И. Тютчев оценивал царствование Наполеона как коронованного властителя иронически. Он писал, что пародия на Карла Великого, в которую превратились попытки Наполеона быть законным императором и непобедимым завоевателем, поставила его в промежуточное положение. «Он всегда играл роль, и нечто суетное в нем лишает его величие всякого величия. Его попытка возобновить дело Карла Великого стала не только анахронизмом, как у Людовика XIV и Карла V, его предшественников, но и постыдной бессмыслицей. Ибо она делалась от имени Власти, Революции, взявшей на себя миссию стереть с лица земли следы деятельности Карла Великого» [3, 452]. Взгляд автора публицистических набросков уточняет поэтическое решение этой темы и, вместе с тем, обнаруживает в нем мыслителя с собственным пониманием Наполеона и его роли в исторических судьбах Европы. Его следует рассматривать в контексте общей позиции Ф. И. Тютчева в полемике о пути России, ее сущности, выборе и пр. Хрестоматийно известное «У ней особенная статья, / В Россию можно только верить», – это не только выразительные поэтические строки, но и квинтэссенция его взглядов. Отмеченная Ф. И. Тютчевым деталь – несоответствие положения Наполеона его замыслам, противоречие между характером революции, из которой он вышел, и сущностью его деяний, – возникает и у Л. Н. Толстого («...всегда играл роль, и нечто суетное в нем лишает его величие всякого величия»).

Произведения одного из единомышленников Ф. И. Тютчева, А. С. Хомякова, посвященные Наполеону, созданы в конце 1840-х гг. и также находятся на границе между романтизмом и реализмом. Однако и в них возникают элементы, свидетельствующие о том, что в недрах романтической эстетики вызревали новые способы отражения действительности. Так, в стихотворении «На перенесение

Наполеонова праха», как и в стихах многих его современников, поэт создает знакомую поэтическую ситуацию: фрегат приближается к острову, на котором похоронен «бог земли»:

Небо ясно, тихо море,
Воды ласково журчат;
В безграничном их просторе
Мчится весело фрегат.
Молнии сизые трепещут,
Бури дикие шумят,
Волны бьются, волны плещут;
Мчится весело фрегат [3, 445].

Приближающиеся к острову мореходы видят: «К небу синему взошла / Над пучинами морскими / Одинокая скала». Его могила «в диких вырыта скалах: / Глыба тяжкая покрыла / Полководца хладный прах» [3, 445]. К стереотипным элементам, возникающим в «наполеоновской» лирике романтизма, можно отнести образное описание страданий усопшего: «страдал душой», «Молнией сожжен», «Местью страха малодушной <...> истомлен», «пепел дорогой» и пр. Как и в «Последнем новоселье» поэт затрагивает тему измены народа своему герою:

В дни несчастий, в дни страданий
Изменившая страна!
Было время, были годы –
Этот прах был бог земли:
Взглянет он – дрожат народы.
Войски движутся вдали.
А пойдет ли, строгий, бледный,
Словно памятник живой –
Под его стопую медной
Содрогнется шар земной [3, 446].

Однако тот момент его судьбы, когда он потерпел поражение в России, поэт осмысляет уже иначе, как и Ф. И. Тютчев, объясняя его столкновением гордыни с силой русской веры, святости Руси: «И в те дни своей гордыни / Он пришел к Москве святой, / Но спалил огонь святыни / Силу гордости земной» [3, 446]. Перенесение праха, вторичное захоронение героя освящено в сознании поэта именно этим его роковым поражением:

Пусть над перстью благородной
Громомещущей главы
Блещет саван зим холодный,
Пламя жаркое Москвы.
И не меч, не штык трехгранный,
А в венце полнощных звезд –
Усмиритель бури бранной –
Наша сила, русский крест! [3, 446].

Так, в романтическую картину, как и у Ф. И. Тютчева, вплетаются отзвуки споров об избранности России, о непобедимости православной веры.

В стихотворении «7 ноября», написанном на ту же тему, лирический герой – участник церемонии перезахоронения, который испытывает ужас перед гробом героя: «Казалось, лишь тронем свинец гробовой, / Лишь дерзко поднимем преступной рукой / Покров могучего праха – / Сердитые волны вскипят на морях / <...> И, вставши, всю землю потребует вновь / Боец и железная воля» [3, 447]. Но мистический страх, овладевший теми, кто рискнул нарушить покой великого героя, оказывается напрасным: «небеса / Спокойны, безмолвны поля и леса / И тихи, зеркальны волны!» [3, 447]. Герой, «муж силы, молния брани», «сжавший всю землю в орлиных когтях», оказывается не жертвой рока, а собственной гордыни, погубившей его. Интересно, что эта тема нашла прямое продолжение в стихотворении «Еще об нем», где повторены формулы первых двух произведений. Поэт видит Наполеона «помазанником собственной силы»: он не избран народом, не был орудием чужой воли, он сам «мыслил и властвовал, жил, побеждал», «землю железной стопой подпирал»; кроме того, он самозванец – «Главу самозданным венцом увенчал». Потому его повергла высшая сила того, кто «предела морям положил». Она была на стороне великого народа: «в пожаре святом твой венец растоптал», «не утро ль с Востока встает?» [3, 448]. Финал стихотворения становится широким обобщением, связанным с великой миссией, которую призвана, будто бы, выполнить Россия, ведь «мир жадно и трепетно ждет / Властительной мысли и слова!.. » [3, 448].

В отношении к Наполеону А. С. Хомяков прошел путь, близкий Ф. И. Тютчеву. Судьба французского императора, интересующая его, как судьба выдающейся личности, осмыслена им в духе романтической эстетики. Однако традиционное для русского романтизма понимание получает и своеобразное истолкование, а место рока занимает русская православная вера, сила духа, метафорой которых является пожар Москвы. Наполеон пал, влекомый своей гордыней, и остановить его смогла ли растущая русская сила («не утро ль с Востока встает?»).

Несмотря на иные мировоззренческие позиции, оппонент Ф. И. Тютчева и А. С. Хомякова, первый русский критик В. Г. Белинский говорит в критическом эссе о стихах Жуковского «Годовщина Бородин» и воспоминаниях Федора Глинки о войне 1812 года почти о том же: о короновании Наполеона и его роли в судьбе Европы. В отступлении от основного предмета размышлений В. Г. Белинский упоминает принцип избранности американских президентов и сохранение наследственной власти у монархов. Именно передача престола по праву наследования, говорит критик, «древность рода и происхождения, теряющаяся в непроницаемости мистического мрака времен и вечности» придает монархиям незыблемость. «Из миллионов людей он один избран богом, и миллионы не могут ревновать его избранию и добровольно преклоняют перед ним колени, как перед существом высшего рода, и охотно повинуются ему, отказывая в таком понимании равным себе. Ибо власть их почитают случайною. <...> Благодаря своему гениальному инстинкту, свойственному всем истинно великим людям, Наполеон глубоко чувствовал эту истину» [3, 453]. Владевший полмиром, «великий гений», воспользовавшийся разрушением прежней системы, все же задумался о том, как упрочить свою власть. Он понимал, говорит В. Г. Белинский, что для «действительности его власти недостаточно и его гениальности, и его подвигов, и помазания католическим первосвященником, – и искал, как своего спасения, вступить в брак с женою царского рода» [3, 454]. Критик возражает тем, кто полагал, что этой женитьбой Наполеон «унизил величие своего гения» и пал жертвой роковой ошибки. «Нет! это была мысль гениальная, свойственная только великому человеку, глубоко понимавшему законы разумной действительности, глубоко постигавшему таинственную и сокровенную для обыкновенного зрения сущность вещей. Мысль Наполеона стоит всех его побед и подвигов: в ней он так же велик, как и в них» [3, 454]. Мысль В. Г. Белинского о верности принятого решения была связана с самим пониманием психологии народа и его отношением к сакральности монархического уклада. Наполеон оказался в этом отступлении показательным примером, иллюстрацией для доказательства собственной точки зрения.

Очевидно, что недавний завоеватель не вызывает у него ни ненависти, ни симпатии. Критик рассуждает в целом, понимая, что и другой завоеватель, выдающийся военачальник рисковал быть как поддержанным, так и освишанным толпой в случае малейшей неудачи. «... Он призывает себе на помощь не один союз брака с венценосною женою, но и союз истории, союз веков, союз предания, – и на Марсовых полях силится напомнить священное и мистическое прошедшее и связать с ним настоящее... О, господа глубокомысленные политики! Наполеон понимал кое-что не хуже и не меньше вашего, и самые его ошибки и промахи разумнее и поучительнее ваших прекрасных умствований...» [3, 454]. В этом пассаже В. Г. Белинский говорит о механизмах мифологизации и продуманных действиях по ее упрочению. Войдя в массовое сознание как непобедимый полководец, Наполеон предпринял ряд шагов, чтобы и на него распространялось магическое притяжение власти. И славянофилы, и западники отдавали должное военному и государственному гению Наполеона. Но Ф. И. Тютчев, и А. С. Хомяков видели в нем выдающуюся личность, не понявшую сакрального смысла русской веры и не оценившую силу русского духа. Эта сторона проблемы В. Г. Белинского не интересовала. В отклике на споры о короновании Наполеона он сумел выразить понимание его логики как государственного деятеля и политика, верно оценившего особенности народной психологии и механизмы сакрализации верховной власти.

Список использованной литературы

1. Баевский В. С. История русской литературы XX века / В. С. Баевский. — 2 изд., перераб. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 448 с.
2. Матюшенко Е. Г. Наполеоновский миф в России / Е. Г. Матюшенко // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996—1998. — М.: Минувшее, 2003. — 174—201.
3. Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология / авт.-сост. О. В. Соколов]. — СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. — 1038 с.
4. Померанц Г. С. Наполеонов комплекс в русской литературе / Г. С. Померанц // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996—1998. — М.: Минувшее, 2003. — 195—201.
5. Черепанова Р. С. Наполеон как фигура русского национального самосознания / Р. С. Черепанова // Наполеоновские войны на металльных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы / сост. Н. М. Великая, Е. Д. Гальцова. — М.: Ключ-С, 2011. — С. 176—192.

О. В. ТАРАРАК

ЄВРОПЕЙСЬКИЙ НАПОЛЕОНІВСЬКИЙ МІФ У РОСІЙСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ: МІЖ СЛОВ'ЯНОФІЛАМИ І ЗАХІДНИКАМИ

У статті проаналізовано декілька прикладів сприйняття європейського наполеонівського міфу представниками різних розумових течій у Росії середини XIX ст. Показано, що розуміння особистості завойовника в поезії міцно пов'язане з романтичною естетикою, для якої характерною є героїзація Наполеона та осмислення його як непереможного. Однак, на відміну від поезії російського романтизму, у віршах двох слов'янофілів зміщується акцент: завойовник подоланий не силою фатуму, а силою православної віри та російського духу.

Ключові слова: наполеонівський міф, міфологізація, слов'янофіли, західники.

A. TARARAK

EUROPEAN NAPOLEONIC MYTH IN THE RUSSIAN LITERATURE: BETWEEN THE SLAVOPHILES AND THE WESTERNIZERS

There are analyzed in r article several examples of European Napoleonic myth's perception by the representatives of different intellectual movements in Russia at the middle of the 19th century. It is shown, that the understanding of the conqueror's personality in the poetry is associated with the romantic aesthetics. Napoleon's glorification and the understanding of his invincibility and indestructibility are typical for it; but in contrast to the Russian romanticism's poetry, the accent is displaced in poems of two Slavophiles: the conqueror is defeated not by the power of the fate, but by the power of the orthodox faith and the Russian soul.

Key words: Napoleonic myth, Slavophiles, Westernizers.

Стаття надійшла до редколегії 5.12.2013 р.

УДК 821.161.2-2.09.

Т. М. ТАШКІНОВА

ХУДОЖНІЙ ЧАСОПРОСТІР ДРАМАТУРГІЇ МАРІЇ ВІРГІНСЬКОЇ

У статті досліджується своєрідність різних моделей часопросторових відношень у п'єсах одного з фундаторів «нової хвилі» вітчизняної драматургії 80-90-х років XX ст. М. Віргінської, на конкретних прикладах з'ясовується роль хронотопу у вираженні художнього мислення драматурга, формуванні самотутньої умовності аналізованих творів.

Ключові слова: драма, поетика, художній часопростір.

Українська драматургія останньої третини XX століття виявила нові тенденції у зображенні часу і простору, зростаючу множинність художніх потрактувань хронотопу і відтінків його розуміння. У п'єсах драматургів цього періоду оригінально осмислено характер часових та просторових зв'язків у зовнішньому та внутрішньому світі людини, у взаємозалежності цих світів, які відкриваються як неоднозначна, часом суперечлива і парадоксальна художня єдність. Виразної багатфункціональності в процесі смислопородження набуває означена універсальна категорія і в такому складному утворенні, яким є художній світ драматургії М. Віргінської, у котрому час і простір, що приймають активну участь у формуванні самотутньої умовності, більше, ніж будь-які інші структурні компоненти, пояснюють специфіку художнього мислення драматурга.

Хоча драматургічний доробок М. Віргінської рельєфно репрезентує основні риси нової драми 80-90-х років минулого століття, відомі лише поодинокі відгуки на її творчість. Наприкінці 80-х років належне талановитості «одного із здібних молодих драматургів «другого заклику», своєрідності, масштабності, жанрово-тематичній калейдоскопічності її творів віддавали Я. Верещак [4, 17] і Т. Свербілова [11, 241]. Втім, художньо-естетична площина творів, специфіка драматургічної форми, виразні особливості оновленої поетики лишилися поза фокусом зору дослідників.

Декілька років тому О. Бондарева, визначаючи суттєві характеристики як загальної художньої парадигматики альтернативної драматургії 80-90-х років минулого століття, так й індивідуальної художньої системи її чільних представників, згадує п'єси М. Віргінської як приклад руйнації базових категорій